

1895, ~~Handwritten signature~~

М. А. Горюхов

(Горюхов 1891.)

1791. №
М. А. Гольдштейн. Впечатления и заметки.

(Из рецензий, написанных в „Киевском слове“ и
„Киевлянина“ за 1887-1892 гг.). Киев, тип. изд. „Киевское слово“,
1895.

Мас. 1022₅

ПОСЛЕДНИЙ ПОТОМОК ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДА.

По поводу „Дуэли“, новой пьесы А. П. Чехова.

I.

Между современными писателями Чеховъ занимает особое, ему одному принадлежащее мѣсто. Съ одной стороны—фабриканты беллетристического товара, сбываемаго оптомъ и въ розницу: въ „Ниву“, „Сѣверъ“, „Царь-Колоколъ“; писатели, производящіе готовое и по заказу, на чей угодно вкусъ, по какому угодно требованію; разные Всеволоды Соловьевы, Полевые, Саліасы, Назарьевы,—на нихъ рукой махнули, ничего уже не ждутъ, нѣчто не надѣется. Съ другой стороны—подававшіе и подающіе надежды, имѣвшіе или имѣющіе искру Божію—Короленко, Дѣдловъ, Цотапенко, Максимъ Бѣлинскій. Эти блеснули когда-то, начали что-то, остановились почему-то и стоять, стоять угрюмо, безнадежно, упорно, неподвижно. Короленко написалъ „Слѣпота музыканта“, Бѣлинскій—„Болотный цѣтокъ“. Всѣ встре-
пенились, ожили, закричали: „ну, дальше, дальше что!“

Впервые: „Киевское слово“, 1891, 22 декаб.
№ 1414 (с. 2-3), и титл.: М. Леснѣевъ. Значеніе
с этимъ сокращеніемъ—см. с. 285.

Ничего. Это была пьеса первая, лучшая... и последняя. Никогда Короленко не поднимался до своей собственной высоты—и второго „Музыканта“ не создал. В этой группе писателей есть свои маленькие подразделения, которые, впрочем, несколько не измѣняютъ сущности дѣла. Такъ, напримеръ, Короленко и Дѣдловъ пишутъ мало и плохо. Потапенко и Вѣликий пишутъ много и плохо. Тотъ избралъ психологическую жизнь и экстерно изображаетъ психологическую жизнь; этотъ любитъ бытовую сторону и экстерно изображаетъ бытовую сторону. Разница не велика.

Мы не упоминали о помѣщеніи Гаршинѣ. Его нельзя отнести ни къ одной изъ этихъ двухъ группъ. Онъ никогда не поднимался выше самого себя, но никогда и не падалъ ниже. Онъ всегда былъ несколько не лучше и несколько не хуже. Всегда одинаковъ. Незвѣстно, что готовила судьба русской литературы въ лицѣ такъ рано скончавшагося писателя. Можно думать, что Гаршинъ такъ и остался бы представителемъ новелистовъ—не болѣе. Онъ прекрасно схватывалъ черту душевнаго міра, черту социальнаго бытія, черту психическаго явленія, но только черту—не больше. Дѣломъ ускользало отъ него, какъ шаръ, всякій элементъ не можетъ охватить кругомъ. Такого недостатка у насъ всеначало дарованія. Онъ былъ глубокъ—бессмертен. и умѣлъ провидѣть въ самую суть наблюдаемаго факта. Но шаромъ у него не бы-

любить великие цѣлители, со всѣхъ сторонъ, сильна—нѣтъ, этого онъ не могъ.

Вотъ почему русская литература сиротствовала. Наши титаны и учителя—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ—пріучили насъ къ мирочайшимъ, всеобъемлющимъ титанамъ. Мы знали, что въ 20-хъ годахъ во фронтѣ общества стоялъ Онегинъ, что его схитилъ Печоринъ, что 40-ые годы дали Рудныхъ, Бельтовыхъ, 60-ые Базаровыхъ, 70-ые Нежданова, Волохова... Кто-же герой нашего времени? Исчезъ-ли знакомый намъ „лишній человекъ“, или остался? Если онъ есть, то каковъ онъ? Измѣнился? Приспособился къ духу времени? Годы наложили-ли на немъ свой отпечатокъ? Или онъ все тотъ-же, все также „неизмѣненъ и великъ“? Отвѣта не было. Гончаровъ и Тургеневъ сошли со сцены. Ихъ преемники молчали.

И цѣлое десятилѣтіе осталось безъ всякаго объясненія.

II

Въ отличіе отъ другихъ молодыхъ писателей, начавшихъ сверху и постепенно спустившихся по наклонной плоскости, Чеховъ началъ снизу. Первые его опыты—это маленькіе фельетонно-юмористическіе рассказы, помѣщавшіеся въ „Сверчокъ“ и „Будильникъ“ (отдѣльно изданы въ двухъ сборникахъ: „Невинныя рѣчи“ и „Пестрые рассказы“). Вопреки вся-

вичь-теоріятъ, талантъ его не только не „размѣнился на мелочи“, но шлетъ все crescendo, наступательное, впередъ. Эта дѣятельность даже принесла свою пользу. Авторъ въ высшей степени развилъ свой природный юморъ, пропикающій и теноръ всё его произведенія,—юморъ свѣжій, блистающій, не похожій ни на вымученное остроуміе Дѣдлова, ни на тошнотворную размазию Потапенко. Это плѣтло вполнѣ самобытное, яркое и—какъ это ни странно—умное. Именно, умный юморъ.

Кромѣ того, Чеховъ привыкъ къ внимательному анализу всякаго на первый взглядъ обыденнаго явленія, которое при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается комическимъ.

Работая въ этомъ направленіи, авторъ, быть можетъ, невольно замѣтилъ, что явленія имѣютъ не только комическія стороны, но и психологическія и социальныя. Тогда онъ создалъ рядъ превосходныхъ повелѣй*), не уступающихъ по своей свѣжести и прелесть гарининскимъ. Онъ улавливалъ такія душевныя эмоціи, которыя даже поражали своей оригинальностью. Всякій ихъ отлично знаетъ, испытать сотни разъ, наблюдалъ на каждомъ шагѣ. Но никто на нихъ вниманія не обратилъ до Чехова—истинный признакъ дѣйствительнаго таланта. Это именно толстовская черта—поднять то, что на троттуарѣ ва-

*) Сборники: „Разсказы“, „Въ сумеркахъ“, „Хмурое утро“.

ляется, но чего никто не замѣтитъ. Это реализмъ: описано то, что существуетъ. Это творчество: существующее одухотворено. Это поэзія: одухотворенное возведено въ гоголевскій перлъ созданія.

Чеховъ сталъ во главѣ молодыхъ писателей-микроскопистовъ, самъ сдѣлался микроскопистомъ, оберъ-микроскопистомъ, тенераломъ отъ микроскопін — и только. Онять черта души, черта тѣла, черта явленія, но не душа, не тѣло, не явленіе.

На этомъ, однако, Чеховъ не остановился.

III.

И написалъ „Иванова“, котораго мы съ вами видѣли въ исполненіи Давыдова. Это первая попытка молодого писателя охарактеризовать эпоху, создать цѣльный образъ, найти героя нашего времени.

Ивановъ — это потомокъ Гамлета, Гарольда, Печорина, Рудина, Нежданова. Это — „лишній человекъ“, лишній въ свое время, въ 80-е годы, какъ Рудинъ былъ лишній въ 40-е.

Это земскій дѣятель, увлекавшійся земствомъ, но которому земство надоело; это мужъ Сарры, увлекавшійся женой, но которому жена опостылѣла; это возлюбленный, увлекавшійся Сашей, но который знаетъ, что и это пройдетъ. Онъ жаждо ищетъ цѣли жизни, опоры для своего бытія, оправданія для своего существованія — и, конечно, не находитъ его, какъ не находилъ Гамлетъ, Гарольдъ, Рудинъ и Неждановъ.

Для компромиссовъ онъ слишкомъ честовъ. Зачѣмъ-же жить? Онъ застрѣливается. Умирать. Эффектно, на балу, какъ Рудинъ погибъ эффектно на баррикадахъ Парижа.

Были критики, которые возвели на Чехова нелѣпное и безсмысленное обвиненіе, будто онъ заимствовалъ идею и героя у Тургенева.

Хорошенькое обвиненіе, ярко и колоритно рисующее круглое невѣжество учителей и обличителей.

Вѣдь самъ Тургеневъ подраздѣлялъ всѣ типы на Гамлетовъ и Донъ-Кихотовъ.

Ивановъ—Гамлетъ.

Вѣдь еще Добролюбовъ показалъ преемственную нить, соединяющую Ольгина, Печорина, Бельтова, Рудина, Обломова.

Нить продолжена до Иванова.

Неужели Лермонтовъ заимствовалъ у Пушкина, Искандеръ у Лермонтова, Тургеневъ у Искандера и Гончаровъ у Тургенева? Но проще-ли установить тотъ фактъ, что гамлетовскій типъ существовать всегда и повсюду, что каждый писатель только умѣлъ находить его въ своемъ обществѣ и въ свое время, умѣлъ показать, что вотъ темеръ этотъ Гамлетъ ходитъ въ таинственную костюмъ, говорить то-то, хочетъ этого и называется Ольгинымъ; завтра онъ говоритъ другое, хочетъ другого, встречается къ другому и называется Рудинимъ.

Въ этомъ только и вся задача.

Чеховъ постарался найти и показать Гамлета нашего времени, который говорить вотъ это, стремится вотъ къ тому, любить вотъ то и называется Ивановымъ.

IV.

И мы его увидѣли. Да это такой-же Рудинъ, такой-же лишний человѣкъ. Такой, но не тотъ. Опять онъ въ толпѣ, опять рвется къ вѣчному, лучшему, необыкновенному и находитъ, конечно, только обыкновенное. Опять анализируетъ божь конца, доискивается самой сути, пустой, конечно, ничтожной, жалкой. Опять ищетъ отвѣта на „быть или не быть“ и, конечно, его не находитъ. Его можно не понимать, съ нимъ можно не соглашаться, но не уважать его нельзя, его, который такъ много страдалъ и любилъ и такъ гордо изнемогъ съ гамлетовскимъ знаменемъ въ рукахъ. Мы оплакиваемъ эту смерть, какъ оплакивали смерть Рудина. Мы удивляемся ей. Ивановъ лучше другихъ. Другіе живутъ. Отчего-же онъ умеръ? Ему дано столько, что сотая частица этого хватала-бы на полное счастье другого. Другой счастливъ. Отчего-же онъ такъ несчастенъ?

Зачѣмъ эта смерть? Чей грѣхъ требовалъ этой жертвы? Для какого искушенія нужно было припести ее?

Могилы, передъ которой мы стоимъ, безмолвствуетъ и ревниво бережетъ въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ эту великую, неразгаданную тайну.

V.

Новая повѣсть Чехова только-что окончена печатаньемъ въ „Новомъ Времени“. Содержанію „Дуэли“ слѣдующее.

Въ приморскомъ городкѣ живетъ иѣкій Лавевскій съ чужой женой, бѣжавшей изъ Петербурга отъ мужа, Надежды Осодоровной. Лавевскій тяготится своимъ ничего-недѣланьемъ, своей возлюбленной, окружающимъ обществомъ и самимъ собой. У него есть пріятель, докторъ Самойленко, добрякъ и простакъ, который любитъ Лавевского, и знакомый фонъ-Коренъ, энергичный и трудолюбивый ученый зоологъ, который ненавидитъ Лавевского. Лавевскій видитъ свое спасеніе въ томъ, чтобы порвать со всѣмъ, бросить Надежду Осодоровну и уѣхать изъ Петербурга. Для этого нужны деньги. Самойленко обѣщаетъ ихъ достать. Но фонъ-Коренъ не допускаетъ и доказываетъ доктору, что онъ явился соучастникомъ очень некрасиваго дѣла. Между зоологомъ и Лавевскимъ происходитъ крупное объясненіе, вызовъ и дуэль. Она кончается ничѣмъ. Но она сильно потрясла Лавевского. Онъ перерождается, дѣлается труженикомъ, женится на Надеждѣ Осодоровнѣ и вообще ведетъ себя ти-

книж. май-мальчикомъ, что даже утомляется одобрения фонъ-Корена.

Вотъ и все. Мы упустили много отдѣльных великолѣпныхъ сценъ, штриховъ и подробностей, на которыя Чеховъ такой мастеръ. Мы говоримъ не о повѣсти, а по поводу ея. Для этого достаточно и вышеизложеннаго. Теперь мы остановимся на двухъ главныхъ типахъ—Лаевскомъ и фонъ-Коренѣ.

VI.

Лаевскій тоже лишний человекъ, тоже Гамлетъ и Чайльд-Гарольдъ, старый знакомый.

У него то-же вѣчное самобичеваніе и нескончаемый самоанализъ:

— И пустой, ничтожный, надѣйный человекъ! Воздухъ, которымъ дышу, это вино, любовь, однимъ словомъ—жизнь я до сихъ поръ покупалъ цѣною лжи, праядности и малодушія. До сихъ поръ я обманывалъ людей и себя, страдалъ отъ этого, и страданія мои были донельзя и пошлы. Теперь наконецъ фонъ-Корена я робко гуу епину, потому что временами самъ ненавижу и презираю себя.

Далѣе:

Для нашего брата, неудачника и лишняго человека, все спасеніе въ разговорахъ. Я долженъ обобщать каждый своей попустонокъ, я долженъ находить оправданіе своей нелѣпой жизни въ чужихъ побѣдахъ, теоріяхъ, въ литературныхъ гонимыхъ, въ томъ, напримеръ, что мы, дворяне, вырождаемся и проч...

Онъ сознаетъ всю величину своего ничтожества:

„Какой я боецъ?—говоритъ онъ: я жалкій безручка и непрадежникъ“.

В известной вариации
даже было:
„Неужели не наша
критика не возмущала
печать у Тургенева? Не
беспокоится? Для этого
еще и Гейко. Он очень
охлажденный — Гейко,
и сейчас же заявил,
что Лаевскій выкраденъ
изъ Рудника. Он обиделся
за Тургенева и
написалъ письмо — сло-
вомъ, повторилъ са-
мую историю: *Савант*
conquiesce! Хорошо, ну
савант, но что же *con-
quiesce*? Больше о *conquiesce*
на этом не стоит.
Итак, Лаевскій — лишний человекъ“.

Тогда что же Гейко?

Однако радомъ съ этими такія слова:

— Я радъ, что ясно вижу свои недостатки и сознаю ихъ. Это поможетъ мнѣ воскреснуть и стать другимъ человекомъ. Годубчикъ мой, если-бы ты знала, какъ страстно, съ какою тоской и жаждою своего обновленія! И клянусь тебѣ, я буду человекомъ! Буду!

Но Рудинъ-ли это, не Райскій-ли, не Гамлетъ-ли, которые казнили себя и любовались собой, складывали безсильныя руки при первой неудачѣ и грозно звали самихъ себя на новые подвиги и опять вѣрили, опять жаждали жизни, борьбы, побѣды... до первой неудачи, конечно.

Ему, — говоритъ авторъ: — казалось, что онъ виновать передъ своею жизнью, которую испортить, передъ міромъ высокихъ идей, знаній и труда!»

Да! онъ искренно вѣрилъ, что міръ понесетъ въ немъ великую потерю. Да, именно, и только этимъ самообманомъ, этой негнѣной вѣрой въ свои могучія, но скрытыя силы и держателя Лавровскіе. Это единственная ниточка, которая ихъ привязываетъ къ жизни. Порвалась она — и Лавровскому жить нечего и не за чемъ.

Но забудемъ однако, что Лавровскій — это Рудинъ нашихъ дней. Что-же съ нимъ сдѣлали годы?

Онъ узналъ, страшно узнать, позорно, малодушно, безчестно.

Гдѣ чайльд-гарольдовская тоска по лучшему, гамлетовское исканіе честнаго, гдѣ сила, гордость, вѣра, широкий порывъ? Каковъ онъ жалкій! Въ ру-

Е. 200
100 100
(100 100)
(100 100)

какъ его не гамлетовское знамя, а какое-то тряпье, пестрое, грязное, издали оно смахиваетъ на шутовской козырекъ. Да, это послѣдній потомокъ Чайльдъ-Гарольда. Это полное банкротство цѣлаго типа, цѣлой идеи, цѣлаго міросозерцанія...

Таковъ онъ. Почему таковъ? Почему Лаевскій, сынъ 90-хъ годовъ, ниже всѣхъ своихъ предшественниковъ?

Русскихъ Чайльдъ-Гарольдовъ можно сравнить съ рѣдкимъ, чуднымъ ослѣпительнымъ брилліантомъ. По своей величинѣ онъ не имѣетъ равныхъ. Игра цвѣтовъ изумительна. Шлифовка художественна. Кажется-бы, онъ стоитъ милліоны. Нѣтъ. Всего нѣсколько рублей: это брилліантъ съ секретомъ—въ немъ есть трещина, она все дѣло портитъ. Камни значительно худшіе, но блестящіе, маленькіе продаются дороже. Въ нихъ нѣтъ блеска, но нѣтъ и изъясна.

Порокъ Чайльдъ-Гарольдовъ—ихъ разладъ между словомъ и дѣломъ. Желаютъ всего, но не дѣлаютъ ничего. Такъ и стоятъ. Понятно, что такая остановка и обстановка такъ же гибельна для нихъ, какъ сѣверная тундра для африканской пальмы. Весь складъ ихъ жизни таковъ, что они должны идти впередъ. Нѣтъ—значитъ идти назадъ. Машина, которая бездѣйствуетъ, ржавѣетъ и портится. Костеръ, въ который не подбрасываютъ угольевъ, гаснетъ. Чѣмъ жи-
ли они, начиная съ Онѣгина? Словами, словами,

словами! Это не парь, это не уголья, а фальсификація, которая должна обнаружиться и отравить когда-нибудь организм; искусственное дыханіе, котораго не может хватить на всю жизнь.

Быть можетъ, Печоринъ еще върился, будто онъ дѣло дѣлаетъ. Лаевскій уже понимаетъ, что это фальсификація. Нужно двинуться, опередить Рудина.

Увы! наши Чайльдъ-Гарольды не пошли впередъ. Почему—другой вопросъ. Но фактъ на лицо. Значить, они должны идти назадъ. Это мы и видимъ на Лаевскомъ. Предшественники говорили хорошее, но не дѣлали ничего. Онъ уже дѣлаетъ дурное. Печальный прогрессъ! Съ теченіемъ времени брилліантъ потерялъ и блескъ, и игру, и цвѣтъ, трещина-же дѣлала свое дѣло, становилась все больше и больше.

Вотъ почему такъ жалокъ, а иногда и гадокъ Лаевскій. Это—послѣдній Чайльдъ-Гарольдъ. Дальше идти некуда: дальше могила.

VII.

Кто-же такой этотъ фонъ-Корень?

„Онъ,—характеризуетъ его одно дѣйствующее лицо:—прежде всего деспотъ, а потомъ ужъ зоологъ. Изъ него, увидишь, выйдетъ большой толкъ. Онъ ужъ и теперь мечтаетъ, что когда вернется изъ экспедиціи, то выкурить изъ нашихъ университетовъ ядрану и посредственность и скрутить ученыхъ въ бараний рогъ. Деспотія и въ наукѣ такъ-же сильна, какъ на войнѣ. А живетъ онъ второе дѣло въ этомъ пономечь городишкѣ, потому что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ

въ городѣ вторично. Онъ адѣсь король и орелъ; онъ держитъ всѣхъ житей въ сжаль и гнетотъ ихъ своимъ авторитетомъ. Онъ держитъ въ рукахъ всѣхъ, вмешивается въ чужія дѣла, все ему нужно и все боится его“.

И идеалы у него деспотическіе.

Обыкновенные смертные, если работаютъ на общую пользу, то имѣютъ въ виду своего ближняго, меня, тебя, однимъ словомъ, человека. Для фонъ-Корена же люди—ценки и ничтожество, единкомъ мелкія для того, чтобы быть цѣною его жизни. Онъ работаетъ, пойдетъ въ экваторію и свернется себѣ тамъ нею не во имя любви къ ближнему, а во имя такихъ абстрактныхъ, какъ человечество, будущія поколѣнія, идеальная порода людей. Онъ хлопочетъ объ улучшеніи человеческой породы и въ этомъ отношеніи мы для него только рабы, мясо для пушекъ, вьючныя животныя: однихъ-бы онъ уничтожилъ или заколопатилъ на каторгу, другихъ скрутилъ-бы дисциплиной, выставилъ-бы, какъ Аракчеевъ, вставать и ложиться по барабану, поставилъ-бы винюхонъ, чтобы естеропъ илине цѣлоумдрію и правствопиость, возлѣ-бы стрѣлять во всякаго, кто выходитъ за кругъ нашей увкой, консервативной морали—и все это во имя улучшения человеческой породы... А что такое человеческая порода? Палювія, миражъ... Деспоты всегда были палювіонистами. И, братъ, отлично понимаю его.. цѣню его и не отрицаю его значенія: на такихъ, какъ онъ, этотъ міръ держится, но если-бы міръ былъ предоставленъ только однимъ намъ, то мы, при всей своей добротѣ и благихъ империрихъ, иначкали-бы его. Да!

И жалко, что этотъ человекъ не на военной службѣ. Изъ него вышелъ-бы превосходный, гениальный полководецъ. Онъ училъ-бы толить въ рѣкѣ свою конницу и дѣлать изъ труповъ мосты, а такія смѣлость на войнѣ нужны всакихъ форсификацій и тактикъ. О, я его отлично понимаю!“.

Вотъ онъ весь, какъ нарисованъ. Это—темное вечадіе свѣтлыхъ шестидесятихъ годовъ. Тогда появился особый типъ снелителія общества—человѣка съ теоріею. Теорія всегда была умнъ, человекъ болынею частью глупъ.

Теорія, которая, какъ хотите, создана-же для блага человѣка, изъ любви къ нему, для нихъ была выше, священнѣе, дороже человѣка, его скорби, его печали, его немощи и ошибокъ. Это было прокрустово ложе: подходишь разумѣромъ къ нему—хорошо, пѣть—умирай. Такая озвѣрѣлая жестокость, такое безпощадное педанство было результатомъ необыкновенной тупости и самодовольнѣйшей ограниченности: такъ въ книжкѣ сказано. А что сказывать жизнь—на это плевать! Съ книжкой носились, съ книжкой подступали къ вамъ къ горлу: дѣйствуй по книжкѣ, или умирай. Болѣе тупорылой дилеммы нельзя себѣ представить. Не вѣрили, что могли быть комбинаціи, которыхъ книжка не предусматрѣла. Англичанинъ спрашивалъ, кто снялъ гору, которая должна быть, потому что о ней упоминается у Бедекера. Бедекеръ—сильнѣе природы. Теорія сильнѣе жизни.

Фонъ-Корень носится съ теоріей борьбы за существованіе, побѣды сильнѣйшаго и истребленія слабаго. Хищный, насѣкомоядный звѣрь необходимъ. Птица попалась ему потому, что неосторожна; онъ разрушилъ гнѣздо съ яйцами, потому что птица не искусна, дурачо сдѣлала гнѣздо и не сумѣла замаскировать его. У лягушки, вѣроятно, какой-нибудь изъянъ въ цвѣтовой окраскѣ, иначе-бы онъ не увидѣлъ ее, и такъ далѣе. Твой звѣрь сокрушаетъ только слабыхъ, неуклюжихъ, осторожныхъ, однимъ словомъ, всѣхъ недостатки, которые природа не выводитъ

нужнымъ передавать въ потомство. Остаются въ живыхъ только болѣе ловкіе, осторожные, умные, сильные и развитые. Такимъ образомъ твой звѣрекъ, самъ того не подозрѣвая, служить великимъ цѣлямъ усовершенствованія“.

Тогда этимъ-же великимъ цѣлямъ служить Колупаевъ, кулакъ, ростовщикъ, міровѣдъ—вѣдь онъ только сокращаетъ слабыхъ, неискusstvenныхъ, неосторожныхъ“. Тогда итъ больше негодяевъ, а есть „только болѣе ловкіе, осторожные, сильные“. Пусть тогда умираютъ миллионы нашихъ голодныхъ братьевъ. Умираютъ—значитъ они слабы, неискusstvenны, неосторожны. А мы съ г. фонъ-Корекомъ, болѣе ловкіе и сильные, будемъ устрицы ѣсть, шампанскимъ запивать и совершать изъ своего прекраснаго далека, какъ непреодоливо и научно „осуществляются великія цѣли усовершенствованія“.

Какъ нужно поступить съ Надеждой Феодоровной, которая бросила мужа? спрашиваетъ Корена Самойленко. Зоологъ отвѣчаетъ:

„— По моему, самый прямой и вѣрный путь, это—василіе. Мани *militari* ее слѣдуетъ отправить въ мужу, а если мужъ не приметъ, то отдать ее въ казенныя работы или въ какое-нибудь исправительное заведеніе.“

— Уфъ! вздохнулъ Самойленко; онъ помолчалъ и спросилъ тихо:—Какъ-то на-дняхъ ты говорилъ, что такихъ людей, какъ Лавовскій, уничтожать надо.

Скажи мнѣ: если-бы того... положимъ, государство или общество поручило тебѣ уничтожить его, то ты-бы... рѣшился?

— Рука-бы не дрогнула. "

Этому можно и слѣдуетъ вѣрить. Фонъ-Короны не знаютъ пощады...

VIII.

По тому положенію, которое зоологъ занимаетъ въ „Дуэли“, въ немъ можно видѣть потомка Штольца или Соломина. Штолецъ стоитъ рядомъ съ Обломовымъ, Соломинъ съ Неждановымъ, земскій врачъ съ Ивановымъ, фонъ-Корень съ Лавскимъ. Одни отбѣгаютъ другихъ. Лишніе люди, эти русскіе Чайльд-Гарольды, всегда даровитые, благородные, умные,— всегда оказываются не у дѣла. А Штольцы, эти добродѣтельные цвѣтки изъ оранжерей умѣренности и аккуратности, всегда дѣйствуютъ, побуждаютъ и торжествуютъ. Штолецъ хоронитъ обломовщину, Соломинъ неждановщину. Такова тенденція Тургенева и Гончарова.

Однако врядъ-ли это такъ. Здѣсь есть какая-то натяжка. Неужели въ этомъ—разрѣшеніе вѣчнаго и вѣковнаго вопроса: почему Рудина лишній и кто для чего поэтъ и лирикъ? Неужели Штолецъ, фонъ-Корень? Неужели это именно герои времени, соль земли русской? Намъ кажется, что сами авторы чувствовали эту фальшь. Иначе, почему герои романовъ были

именно Обломовъ, а не Штольцъ, Неждановъ, а не Соловьевъ?

Русское общество ждет не обрусѣвшихъ нѣмцевъ Штольца и Корена, не опъюченныхъ русскихъ Соловьевыхъ, правильныхъ и скучныхъ, какъ таблица умноженія. Мы не можемъ примириться съ теоріей истребленія Рудинныхъ, Обломовыхъ, какъ того хочетъ золотая посредственность фонъ-Коренъ. Это лучшіе силы земли русской и потерять ихъ—значить потерять многое. Намъ не надо Штольцовъ. Мы будемъ ждать, чтобы проснулся Обломовъ, нашелъ смыслъ жизни Рудинъ, за работу взялся Ивановъ. И если бы пришлось ждать годы—мы будемъ ждать; и если нужны еще тысячи жертвъ—мы ихъ принесемъ. Не одинъ Обломовъ еще погибнетъ. Но настанетъ день, когда онъ выступитъ на сцену и поведетъ насъ за собой!...

IX.

Чеховскій герой тоже пробуждается. Но это не то. Онъ послѣ перерожденія начинаетъ добросовѣстно трудиться, бросаетъ карты, ведетъ нормальную жизнь, думается рано спать и вѣроятно еще занимается шведскою гимнастикой для пищеваренія. Словомъ, превращается въ того-же фонъ-Корена.

Если все это и правда, то во всякомъ случаѣ не та, которая нужна. Не того намъ нужно, чтобы Обломовъ превратился въ Штольца, а Чеховскій въ

фонь-Корена, — это не русскій идеалъ. Или, въ самомъ дѣлѣ, царство этихъ палачей теоріи и великихъ инквизиторовъ бнижной доктрины близко?...

Такъ неужели-же великое „ничто человѣческое мнѣ не чуждо“, Господнее прощеніе грѣшницъ, вся гуманность, все то, надъ чѣмъ работали величайшіе умы, что создавалось вѣками, — неужели все это мечта, иллюзія, утопія? Неужели все это должно исчезнуть и уступить мѣсто насѣкомоядному звѣрьку и ученому зоологу?

Нѣтъ, мы не вѣримъ этому. Лаевскій правъ: и фонь-Корены необходимы. Но не въ ихъ руки надо отдать командующій жезлъ; они сдѣлаютъ изъ него универсальную нагайку и разрушать все то, что больше, выше, лучше ихъ прокрустова ложа. Фонь-Корены необходимы для общества, какъ чернорабочіе — да, тутъ они незаменимы. Но поставить ихъ во главѣ угла — значить потушить свѣточъ цивилизаціи, вычеркнуть изъ исторіи человечества ея величайшія страницы, забыть вѣковѣчные идеалы добра, любви, красоты и начать поклоняться идоламъ насилія, крови и жести...

